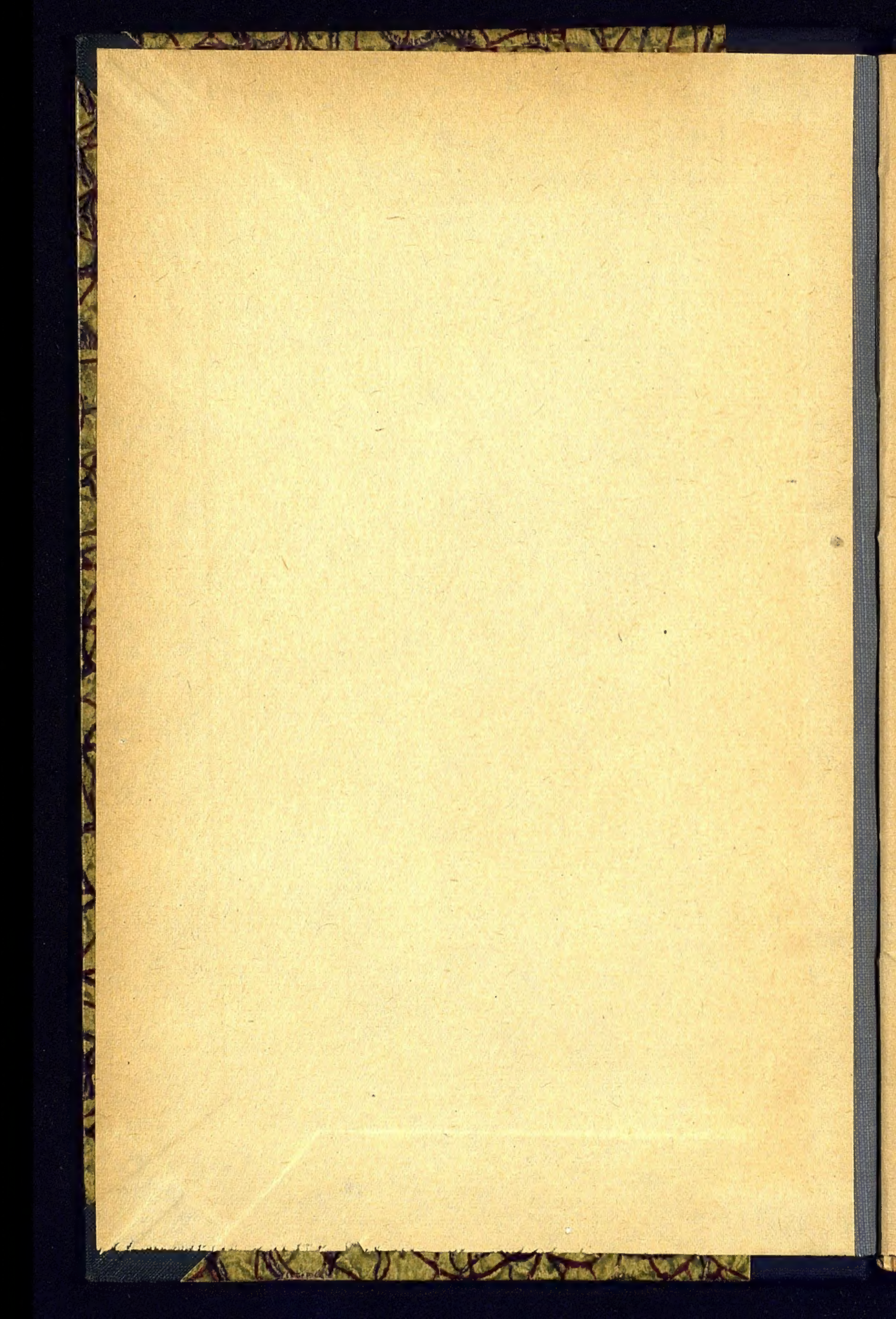

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Ник. АШЕШОВ

А. Н. РАДИЩЕВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◦ 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена **не может быть повышена.**
Государственное Издательство.

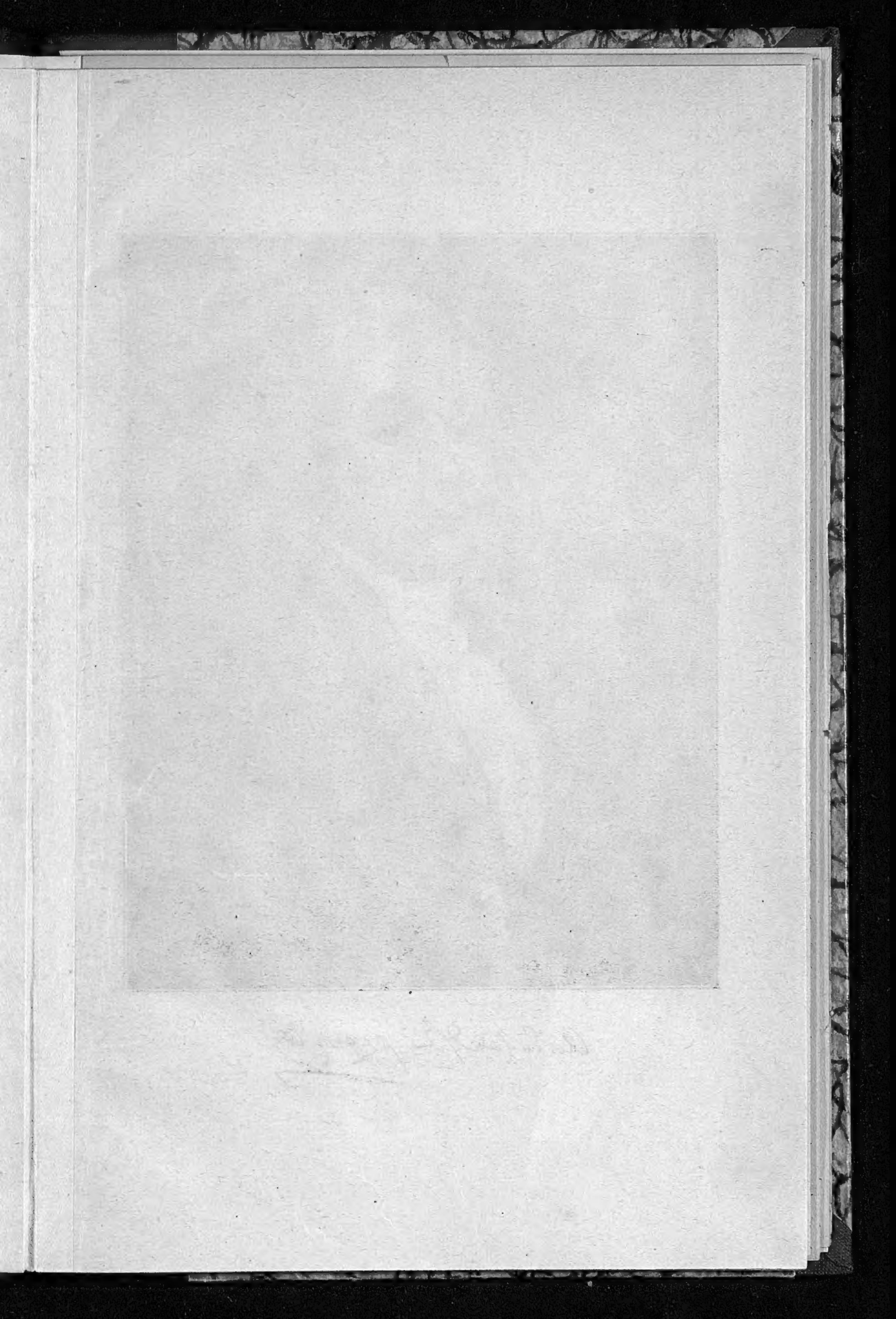
КАТАЛОГ КНИГ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

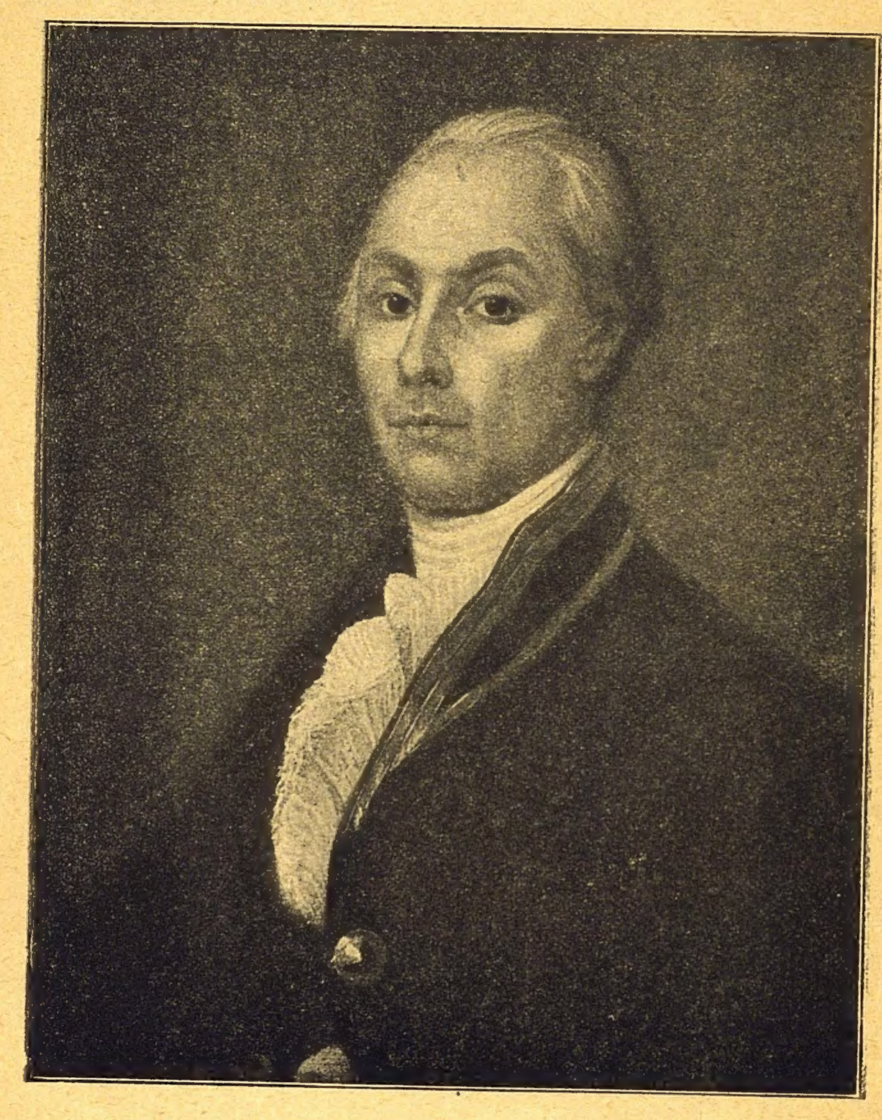
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Просп. 25 октября, д. 28.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

[illegible]

Александр Радищев

Ник. Ашешов

А. Н. РАДИЩЕВ,

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал

Издание Петроградского Совета
Рабочих и Красн. Депутатов
1919

А. Н. Радищев,

первый русский республиканец.

Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

Сто двадцать девять лет тому назад, 26 июня 1790 года, секретарь императрицы Екатерины Второй Храповицкий, войдя в кабинет государыни, застал ее в сильном волнении. Оказалось, что в этот день Екатерина начала читать только что изданную в Петербурге книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» и с первых же страниц пришла в сильнейшее негодование, к которому примешивалось и чувство страха. Императрица в гневе говорила своему секретарю об этой книге, как рассеивающей «французскую заразу», т. е. как о революционной, и, прочитав только первые тридцать страниц, распорядилась уже послать за обер-полицеймейстером Никитою Рылеевым. Государыне не верилось, чтобы книга, в которой выискивалось «все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа к негодованию против начальников и начальства», могла быть издана с разрешения тогдашней полиции. Однако, Никита Рылеев подтвердил, что книга издана с его разрешения, признавшись, что он ее не читал. Сочинителя книги он не знал, и начались розыски. Впрочем, у императрицы уже возникли подозрения относительно двух лиц. Одного из них она угадала. Это был Радищев. На другой день, 27-го июня, дело было передано начальнику тайной полиции (она тогда называлась «экспедицией») Шешковскому, зверю-человеку, «кнутобойце», неимоверно жесто-

кому и в то же время большому взяточнику. Когда арестованный Радищев узнал, что он попал в руки к мучителю Шешковскому, то упал в обморок. 30-го июня Радищев был заключен в Петропавловскую крепость. Началось дело о русском писателе, открыто выступившем в печати не только против всяких зол жизни, чиновничества, духовенства, против крепостного права, отсутствия правды в судах и т. д., но и—что главное—против *самодержавия*. Недаром же его книга, арестованная в 1790 году, не появлялась в свет до 1905 года. В царствование Николая Первого цензура запрещала о ней упоминать. В царствование Александра Второго издание «Путешествия» было сожжено цензурой. То же самое цензура сделала в 1903 году... Таким образом, Радищев сто пятнадцать лет был страшен самодержавию. Он напугал монархов на целое столетие!

Что же это была за книга? [1]).

---

[1]) Она издана без всяких препятствий только в конце 1905 г.

I.

Двести лет тому назад образование очень медленно и туго развивалось в России. Русская жизнь была простой и несложной. Крепостное право было основою этой жизни. Рабский, даровой труд крестьянина служил источником существования дворянского класса, поставлявшего чиновников правительству. Торговля и промышленность были в зародыше. При натуральном хозяйстве все производилось дома, покупать со стороны приходилось немногое, и помещики, при неприхотливой жизни, своими средствами обходились со своими потребностями. Не было вследствие этого никакого интереса заботиться об образовании. Помещику оно не было нужно, крестьянина тем более нельзя было допустить к просвещению, и только правительство, чтобы раздобыть себе чиновников, которые получше извлекали бы выгоды для власти, заботилось об образовании. Петр Великий первый очень хорошо понял это и чуть ли не силой заставлял русских дворян учиться. Но только с царствованием Екатерины, когда окончательно сложилось дворянство, когда развилось крупное землевладение, оживилась торговля, а промышленность, при помощи того же рабского, крепостного труда, стала увеличиваться, началось в России развитие настоящего образования.

Вся наука шла к нам с Запада. Со времени императрицы Елизаветы Петровны русское общество находилось под сильным французским влиянием, отчасти—немецким. Сначала иноземцам подражали только с внешней стороны, воспринимали только внешнюю культуру, т. е. образ жизни (платье, обстановку дома, танцы, забавы), а затем заимствовали и духовную культуру: театр, книгу, школы. Образование шло от высших, зажиточных классов и рас-

пространялось и среди недворян. Круг образованных людей делался с течением времени все шире и шире, но, конечно, оставался, в виду общей несложности жизни, незначительным, а потому и маловлиятельным. Но образование делало настолько значительные успехи, что рабское заимствование с Запада стало сменяться самостоятельною работою русской мысли. Со времени Екатерины Второй начинает складываться общественное мнение, т. е. критическая, проверочная работа общества над явлениями русской жизни.

Французская литература вначале влияла на Россию своею безобидной стороной. Изящная словесность (романы, повести, стихотворения) воспитывала вкус русских читателей, развивала любовь к чтению, будила запросы ума и чувства. Это была первая ступень к образованию. Но восемнадцатый век во Франции — самый замечательный век в истории человечества, потому что он закончился Великой Французской революцией. В XVIII столетии во Франции совершался великий перелом в умах в сторону революции. Сложный социальный строй Франции вызывал необходимость великих перемен. Противоречия в нем делались все глубже и глубже. Буржуазия, крепкая и сильная, вошла в непримиримое противоречие с дворянством и духовенством, служившими опорой самодержавию французских королей. И в среде этих классов в каждом отдельно, как и в других (армии, крестьянстве, рабочих), шли расслоения, борьба интересов, что усилило еще больше социальные противоречия. Освободительное движение, вызванное ими, нашло отражение в богатой литературе. Необычайное оживление философской и научной мысли направилось на борьбу со старым дворянско-католическим строем. Сначала эта борьба носила просветительный характер, имела целью уничтожить религиозные, сословные и другие суеверия и предрассудки. Но эта борьба расчищала путь революционным идеям, которые к концу века стали распространяться все шире и шире и затем вступили в борьбу с властью.

Просветительная философия нашла в России много последователей. Она носила отвлеченный характер, не требовала немедленного воплощения в жизнь и потому опасности социальному строю России не представляла. Потому-то французские философы

приобрели симпатию самой Екатерины Второй. Но начатая критическая работа человеческой мысли не может остановиться на полпути. Она пошла дальше, во Франции довела до революции, в России же отразилась отдельными вспышками.

Социальный строй России был несравненно проще французского. Не было у нас тогда буржуазии, не было, следовательно, того клина, который вошел в тело Франции и вызвал в нем такую смуту. Аристократия дворянская и чиновная только слагались у нас во время Екатерины в ярко-определенную величину Духовенство не играло никакой роли. Таким образом французские идеи, приходившие к нам с Запада, не находили себе почвы в нашем социальном строе и не могли претвориться в дело. Но они соответствовали духовным запросам образованных людей, они манили к себе своею человечностью, своею широтой, красивыми обещаниями лучшего будущего. Экономическая и политическая жизнь Франции неизбежно вела к революции. В России она была невозможна по французскому образцу. Но французские идеи, перенесенные в Россию и здесь переработанные, уже в силу условий русской действительности, согласно с нею, должны были резко столкнуться с самодержавно-крепостным строем. как только эти идеи приняли революционную окраску.

Сама Екатерина Вторая была поклонницей французской философии дореволюционного периода. Умная и образованная, она увлекалась французскими освободительными идеями, помышляла даже, в начале своего царствования, приложить их к русской жизни в реформах управления, введении справедливого суда, свободе печати и совести, уничтожении или смягчении крепостного права. Но это были только праздные мечтания императрицы, которая не могла не видеть, какое упорное противодействие она встретила бы в дворянско-крепостнической среде. Когда же французские события выросли до революции, Екатерина испугалась за свой трон, как и все тогдашние государи Европы, и сделалась смертельным, непримиримым врагом освободительных идей. Они в глазах ее были только «французской заразой»...

II.

Александр Николаевич Радищев был сын состоятельного помещика Саратовской губернии, для своего времени достаточно образованного человека, охотно читавшего и приохотившего к чтению и сына. Одно из первых неизгладимых впечатлений детства Радищева был Пугачевский бунт, когда ему вместе с отцом пришлось скрываться в лесу от расправы повстанцев. Отец Радищева был человек гуманный, хорошо обращался с крестьянами, и последние спасли его во время бунта.

Как и всегда в то время, мальчика Радищева препоручили в Москве воспитателям-французам, один из которых бежал из Франции от преследований самодержавного правительства Людовика Пятнадцатого. Несомненно, что благодаря этому воспитателю Радищев впервые знакомится с французскими либеральными взглядами и эти взгляды неизгладимо остаются в душе мальчика на всю жизнь. Затем с ним занимаются профессора недавно (в 1755 году) открытого московского университета, и, наконец, тринадцати лет, он поступает в пажеский корпус, который Екатерина старалась поставить на научную высоту. Пажи, помимо занятий в корпусе, обязаны были еще дежурить во дворце, и здесь-то юный Радищев, прислуживая за столом, близко видел безумную роскошь, распущенные нравы и быт придворных, проводивших жизнь в интригах, в борьбе за влияние, в пресмыкательстве пред императрицей, ее любимцами и влиятельной знатью наряду с презрением к низшим.

В 1766 году Екатерина, желая увеличить число образованных чиновников (она тогда думала еще о широких реформах), решила отправить за границу, в лейпцигский университет, кружок молодых людей с тем, чтобы они изучили серьезные науки у немцев. На казенный счет было отправлено двенадцать молодых людей, от 12 до 21 года, в том числе и Радищев. Среди той молодежи старшим был Ф. В. Ушаков, богато-одаренный юноша, весь пропитанный вольнолюбивыми мечтами, пылкий, восторженный, пламенно любивший науку, а потому пользовавшийся громадным влиянием на своих товарищей. С юношами был послан,

как руководитель и воспитатель, майор Бокум, которому императрица предписала обращаться со своими воспитанниками возможно деликатнее. Выбор руководителя оказался, однако, неудачным. Бокум был грубый солдат, взяточник и хищник. С молодежью он обращался, как с крепостными. Несмотря на отпуск большой суммы на содержание (800—1.000 р. на каждого воспитанника), Бокум кормил молодежь отвратительно, поместил ее в грязных, сырых и темных квартирах, одевал, как нищих. Обирая, таким образом, молодых людей, Бокум кроме того получал еще взятки с их родителей. Для наставления в православной вере к юношам был приставлен еще иеромонах отец Павел, который отличался своей смешливостью и поэтому даже при богослужении закрывал глаза, чтобы не расхохотаться во весь могучий голос. При таких условиях русские студенты, вместо того, чтобы учиться, на первых порах должны были потерять массу времени на борьбу с Бокумом. Дело дошло до того, что Бокум начал сечь воспитанников и сажать их в особую клетку, в которой нельзя было ни стоять, ни сидеть. В донесениях своих из Лейпцига кабинет-курьер Яковлев сообщает, что он лично видел эту ужасную клетку. Бокум «запирал и сажал дворян в таком тесном и переломном и тем самым здоровью их опасном положении, что в ней ни стоять, ни сидеть на остроконечных перекладинах прямо не можно. И чтобы хитрому вымыслу сему ничего не доставало, то похвалялся его высокоблагородие клетку сию и в оной заключенного, подняв на блоке, держать чрез определяемое к тому время повешенною на воздухе». Студенты писали жалобы в Россию, но из этого ничего не выходило. И, доведенные до отчаяния, они решились повести активную борьбу с Бокумом. И когда капитан однажды дал одному из студентов пощечину, то получил в ответ тоже пощечину.

При тогдашней тяжелой дисциплине проступок этот был весьма серьезным, и взбешенный Бокум решил примерно наказать студентов. Он отправился к военным властям города, изложил им происшедшее, как бунт против власти, и просил дать ему солдат для усмирения студентов. Солдаты были даны, и Бокум арестовал всех своих воспитанников, подвергнув их весьма строгому режиму, точно они были «государственными преступ-

пиками или отчаянными убийцами». Они сидели в полутьме, так как окна были наглухо заколочены, у них отняли не только оружие, но и ножи, и вилки. Бокум принял к тому же меры, чтобы русский посол ничего не узнал об этом происшествии и в то же время принес на студентов жалобу в университет, требуя предания их суду. На допрос студентов водили скрытым образом, точно на инквизиционный суд.

Посол, к счастью, проведал всетаки про студенческие невзгоды, вмешался в дело, и молодежь была освобождена. В России же только через четыре года узнали про деяния Бокума, и он был уволен, но уже тогда, когда Радищева в Лейпциге не было.

Борьба с Бокумом угнетающе действовала на Радищева, впечатлительного и нервного юношу. Полное бессилие в противодействии наглому вору и грубияну наполняло его душу горькими мыслями о всевластии чиновников, действующих произвольно, несмотря на точные предписания императрицы, несмотря на жалобы и вмешательства посла. Но этот случай еще сильнее укрепил в Радищеве, как и в его товарищах, сознание собственного достоинства, необходимость борьбы за это достоинство, необходимость живого протеста.

По инструкции императрицы Екатерины русские студенты должны были обучаться латинскому, немецкому и французскому языкам, «моральной философии, истории, а наипаче праву естественному и всенародному, и несколько и Римской империи праву». Для императрицы было важно, чтобы студенты усвоили хорошо все, чему наука учит относительно государства. Учение же о государстве, о происхождении человеческих обществ, о первоначальных правах человека (естественное право), о власти, отношении ее к гражданам, о законах и их основаниях и т. д., учение о всех этих вопросах волновало французских философов давно, и они разрешали такие вопросы различным способом, в разных теориях. Преобладало учение, что люди родятся равными, что у них есть естественные, прирожденные, неот'емлемые права (свободы слова, совести и т. д.), что государство образовалось путем общественного договора людей, которые свою природную неограниченную свободу ради общего блага ограничивают зако-

нами гражданскими; если законы не создают этого блага, а нарушают его, то граждане могут прибегнуть к самозащите. С течением времени философская мысль уже прямо переходила к отрицанию власти одного человека (монарха), к необходимости народовластия.

Екатерина Великая только впоследствии убедилась, какую опасность представляло развитие подобного рода идей. Но лейпцигских студентов она припуждала изучать «наипаче естественное право», за которое они действительно принялись с жаром. Изучив немецкую и французскую философию, они останавливали затем свое внимание на таких теориях, которые не витали в облаках и к звездам, не обращались к Богу и не придумывали различных туманных об'яснений для того, чтобы понять, что такое разум, чувство, душа. Им нравились философы, которые стояли ближе к земле, к материальному началу, которые об'ясняли явления человеческой души просто и реально деятельностью тела. Что такое разум, например? Философы разных стран написали по этому поводу массу книг и давали самые туманные об'яснения. Радищева же и его товарищей увлекала теория Гельвеция, который просто об'яснял: разум обнаруживается в суждении человека; суждение же—это сравнение того, что ощущает человек, его ощущений, чувствований: без чувствований нет разума; нет его деятельности, независимой и свободной от ощущений (эта теория называлась «сенсуализмом»); разум и есть лучший устроитель жизни на земле. Вообще лейпцигских студентов привлекал материализм, т. е. такие теории, которые все об'ясняли вещественно, из видимых и чувствуемых нами фактов и явлений. Этим и об'ясняется, что, помимо обязательных предметов, Радищев за границей принялся за изучение химии и медицины.

Но наибольшее влияние на русскую молодежь имели политические писатели, которые развивали идеи свободы, братства, равенства, народовластия. Из них наибольший успех в Европе и у лейпцигских студентов выпал после Руссо на долю Мабли, строго проводившего демократические идеи и требовавшего полного народовластия, т. е. республики. Федеративную республику Мабли называл «высшею степенью совершенства, до которой может возвыситься политика». Мабли шел дальше, он затрагивал

уже экономические вопросы, говорил об экономическом неравенстве людей, критиковал собственность, указывая на то, что при собственности никакой разум не в состоянии доставить наибольшее счастье для людей. Отметим, что, увлекаясь политическими теориями Мабли, лейпцигские студенты не шли за своим учителем в его экономических взглядах: слишком чуждыми они казались им.

Изучение всего того, чем волновались французские умы во Франции пред революцией, заполнили душу Радищева республиканскими идеями и светлыми мечтами о служении родине. Вера в то, что просвещенный разум может, как волшебный творец, пересоздать жизнь, была так понятна во Франции, где жизнь расползлась по всем швам, где старый строй дряхлел и рассыпался и где нужны были, следовательно, просвещенные усилия людей, чтобы окончательно столкнуть его в пропасть и построить новое здание на новых началах, во имя свободы, равенства, братства и воли народа. Но в России эта пламенная вера юноши должна была испытать горькие разочарования. Радищев для России был только человеком будущего, для настоящего он не подходил; в настоящем лежало столько зла, неправды и несчастий, покоившихся на самодержавно-крепостническом строе, что никакая благородная мечтательная философия не могла во имя просвещенного разума разрушить все это вековое наследие несчастной истории русского народа.

III.

С глубоким волнением возвращался в ноябре 1771-го года Радищев на родину. Его охватывал восторг при мысли о той великой плодотворной работе, какая ему предстоит. Впоследствии он вспоминал то нетерпение, с каким он жаждал увидеть родину, радость, когда эта мечта сбылась, и то «исступление», с каким он готовился пожертвовать всем, даже жизнью, «для пользы отечества».

Но холодом пахнуло дома на молодого республиканца. Пропасть между идеалами, порывами, мечтами и действительной жизнью оказалась бездонной. Жизнь изо дня в день тяжелым гнетом ложилась на впечатлительную душу смелого и горячего

Радищева. Поступив скоро в сенат, он близко познакомился с «черною неправдой», царившей в тогдашних судах, в администрации, во всем укладе жизни. Язвы крепостного права на каждом шагу давали себя чувствовать острою болью. Но Радищев не только не падал духом, но загорался новою надеждою: глубокая, фанатичная вера во власть и чарующую силу человеческой мысли и слова слишком прочно залегли в его душе и не давали места безнадежности и отчаянию, этому самоубийству духа. К тому же некоторые условия для деятельности «гражданина» Радищева казались не особенно тяжелыми. Императрица Екатерина «с Вольтером лучший друг была», с тем Вольтером, который своей безжалостной насмешкой, беспощадной иронией преследовал в особенности религию и духовенство. Императрица переписывалась со знаменитыми либеральными учеными. Звала в Россию Руссо. К ней приезжал философ Дидро, который горячо ей доказывал, что Россия управляется хуже Франции, потому что свобода личности сведена к нулю, верховная власть слишком велика, слишком много произвола, что для счастия народа нужно постоянное народное представительство. Екатерина слушала философа со скрытой иронией, но всетаки слушала внимательно и охотно. Пред тем Екатериной был издан «Наказ», которым должна была руководствоваться созванная ею и обратившаяся затем в комедию комиссия для составления проекта новых законов. Этот «Наказ» был настолько либерален, что показался опасным для Франции, где он был запрещен. В «Наказе» императрица говорила общие места о гуманности, о свободе, недопустимости пыток и смертной казни, слегка намекала на необходимость ослабления крепостного права и т. п. Покровительствуя литературе, Екатерина основала общество для перевода замечательных произведений с иностранных языков на русский. Необходимые для этого суммы были отпущены из шкатулки Екатерины. В это общество переводчиков был приглашен и Радищев, который выбрал одно из произведений своего любимца Мабли— «Размышление о греческой истории»; в нем последний проводил свои любимые идеи о равенстве людей и имуществ, о передаче земли в общую собственность страны (национализация) и т. д. Переводя книгу (в 1773 году), Радищев снабдил ее своими

примечаниями, весьма характерными для тех воззрений, какие вынес Радищев из заграничной поездки. В этих примечаниях он говорил о преимуществе, первенстве избирателей над избираемыми, законодательной власти над исполнительной. Весьма важное примечание сделал Радищев, об'ясняя слово «деспотизм».

Деспотизм по-русски он перевел «самодержавство» и пояснил: «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». И, развивая эту мысль, Радищев указывает на то, что люди не могут дать над собой неограниченной власти, а закон, как выражение общественной воли, может наказывать только при нарушении его, следовательно для подкрепления его силы. Если мы живем под властью законов, то не потому, что должны это делать, но потому, что это нам выгодно. Если мы отдаем закону часть наших прав и нашей естественной, прирожденной нам власти, то делаем это для того, чтобы закон приносил нам пользу: об этом мы делаем с обществом безмолвный договор. Если этот договор нарушен, т. е. если закон не приносит пользы, то люди имеют право отказаться от исполнения договора, т. е. не исполнять закона. Неправосудие государя дает народу такие права, какие закон дает государю над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества.

В книге, посвященной своему другу и лейпцигскому сотоварищу Ф. В. Ушакову, напечатанной в том же 1790 году, Радищев, между прочим, писал:

«Не тревожился Юлий Кесарь о том, что прослывет государственным татем, когда похищал общественную казну. Не боятся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан своих отяготительные подати, ни прослыть убийцами своей собратии и разбойниками в отношении тех, которых неприятелями именуют, вчиная войну и предавая смерти тысячи воинов. Пример самовластия государя, не имеющего закона, ниже других правил, кроме своей воли и прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. Да и сие иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластию».

Эти идеи, заимствованные Радищевым у французских философов (Руссо, Гольбаха, того же Мабли), как они ни были враждебны самодержавной и неограниченной власти, не только не нарушали покоя императрицы Екатерины, но даже разделялись ею. Идеи эти были модны, государыня очень старалась, чтобы в Западной Европе, с учеными которой она вела непрерывную переписку, были выгодного и лестного мнения о русской просвещенной царице, да и в самомнении и самоослеплении Екатерина, быть может, искренно думала, что она—не деспот, что ей чужда тирания неограниченной власти, что ее образованный ум не может допустить господства произвола и насилия. Такая терпимость была тем более понятна, что Радищев в данном случае приводит только общее рассуждение, не развивает своей мысли далее, не указывает на распорядки Российской империи и не приводит подлинных фактов жизни, которые ясно указали бы невозможность в России действительной законности.

Да и вообще настроение в то время у Екатерины было настолько либеральное, что еще за четыре года до Французской революции она взяла под свою защиту пьесу Николева «Сорена и Замир», в которой российский царь Мстислав разлучает двух любящих супругов. В этой пьесе есть такие стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле;
Льзя-ль ждать блаженства там, где гордость
на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца.

Московский главнокомандующий обратил внимание на пьесу и в особенности на эти стихи, но Екатерина гордо ответила ему: «Смысл таких стихов никакого не имеет отношения к вашей государыне; автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью». И, по повелению императрицы, трагедия Николева была напечатана в академическом издании.

В своем знаменитом «Наказе» Екатерина II так писала о личных оскорблениях верховной власти:

«Называть преступлением, до оскорбления величества касающимся, такое действие, которое в самой вещи оного в себе не заключает, есть самое насильственное злоупотребление... Человеку снилось, что он умертвил царя—сей царь приказал казнить его смертию, говоря, что не приснилось бы сие ему ночью, если бы он о том днем наяву не думал. Сей поступок был великое тиранство, ибо если бы он то и думал, однакож на исполнение мысли своей еще не поступил; законы не обязаны наказывать никаких других, кроме внешних или наружных, действий. *Слова не вменяются никогда в преступление*, разве оные приуготовляют или соединяются или последуют действию беззаконному. Все превращает, кто делает из слов преступление, смертной казни достойное. Запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные: весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение, а сие ничего иного не произведет, как невежество; опровергнет дарование разума человеческого и охоту писать отнимет».

Так писала императрица о свободе печати. А на деле в процессе Радищева она поступала совершенно обратно каждому своему слову. И как-раз изложение сна Радищева более всего возмутило Екатерину и чуть не привело Радищева к эшафоту.

И это потому, что уже гремели громы Французской революции, и трепетали цари всего мира, трепетала в Петербурге и Екатерина II. Либеральный «Наказ» был забыт. Была забыта свобода печати, и когда Екатерина прочитала в академическом же издании трагедию Княжнина «Вадим» и нашла в ней такие строки:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель.
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям—

вспыхнула она деспотическим гневом и, памятуя Французскую революцию, воскликнула: «И вы еще уверяете меня, что мне нечего бояться!».

Книга была уничтожена.

Из страха за престол Екатерина резко порвала со всеми своими идеями.

Литературная деятельность Радищева надолго затем прервалась. Он переживал мучительный период душевного разлада. Его восторженный ум и пылкое сердце не могли примириться с теми ужасами, какими была полна тогда русская жизнь. Через четыре года после перевода Мабли, он снова поступил на службу и прослужил около десяти лет в петербургской таможне. Но казенная служба мало удовлетворяла писателя. Он входил в зрелые годы, но это не уменьшало жара его души, и когда в 1780 году ему попалась книга Рейналя «Философская история обеих Индий», Радищев воскрес душою и задумал в свою очередь большой и важный труд. Рейналь произвел неотразимое впечатление на Радищева и воскресил давнишнюю уже мечту о книге, в которой он мог бы излить все порывы своей вольнолюбивой души, страдавшей под ярмом самодержавного строя. Еще в 1772 году Радищев в журнале «Живописец» напечатал «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», в котором уже касался ужасов крепостной жизни крестьян.

Книга Рейналя, написанная приподнятым, несколько крикливым слогом, увлекательно излагала все революционные в сущности идеи того века, заключала ряд резких нападок на религию, на христианство, на государство в его форме самодержавия и т. д. Особенно сильно действовали на читателя картины рабства в Индии, которые рисовал Рейналь. Эти картины с особою силою пробудили в Радищеве юношеские идеи и мечты.

Жизнь не охладила их, а углубила.

В русском же обществе идейное брожение, несомненно, было, хотя, понятно, оно не могло захватить широкие и сильные круги. Идеи ограничения самодержавной власти, вообще говоря, никогда не умирали на Руси. Уже вскоре после смерти Петра, при воцарении Анны Ивановны, была сделана попытка ограничить власть императрицы властью верховного тайного совета, т. е. немногочисленных высших чиновников. При Екатерине идеи народного представительства получили еще большее распространение. Радищев обдумывал еще свою книгу, а идеи ее, заимствованные у Запада, уже бродили в обществе. И это особенно

обнаружилось к началу Французской революции. В том же 1790 году, когда судили Радищева, наставник великого князя Александра Павловича (впоследствии императора Александра I) писал одному из высших чинов о настроении умов: „вольноглаголание о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезнейшему отечеству наиужаснейшее кровопролитие“. Когда пришло известие о взятии в Париже Бастилии, этой тюрьмы, куда заточалась свобода французов, то в Петербурге купечество, горожане и дворянская молодежь [1]) открыто выражали свою радость; некоторые дворянские дома даже были иллюминованы. Дальнейший ход революции возбуждал острое внимание не только образованных жителей столиц, но и глухой провинции, даже Сибири.

Общественное настроение, таким образом, было в пользу Радищева. В нем он черпал уверенность в необходимости своей работы и во всеобщем к ней сочувствии. Но, когда Радищев, наконец, решился выступить на широкое общественное поприще, было уже поздно. Уже переменились правительственные веяния и настроения. Либеральные течения при дворе начали иссякать. Бюст Вольтера, которому Екатерина предполагала поставить памятник в Петербурге, из дворца был выброшен в подвал. Отдаленные раскаты Французской революции, разнесшись по всему миру, потрясли везде своды самодержавных дворцов, даже там, где никакой опасности возмущения не было и не могло быть.

Екатерина, конечно, не понимала, что те либеральные идеи, которые она разделяла, были уже революционными в своем зародыше. Идеи эти развивались, крепли, формировались глубже и шире; они питались благоприятной социальной средой и вели неизбежно к действиям—к перевороту.

Вначале Екатерина еще не вполне сознавала всего рокового хода французских событий. Почти накануне революции она пишет в одном письме, что не разделяет мнения тех, которые говорят, будто-бы «мы находимся накануне великой револю-

---

[1]) Интересно отметить, что в толпе, бравшей Бастилию, было двое русских—князья Голицыны, с ружьями в руках добывавшие французам свободу.

ции». Созыв нотаблей Людовиком XVI Екатерина даже одобряла. Но затем Екатерина всё более и более приходит в раздражение от французских событий. Самым внимательным образом читая французские газеты, Екатерина искренно негодует, узнав о том, что народ в Париже бросал грязью в карету королевы Марии-Антуанеты, когда она ехала в оперу. Созыв государственных чинов (генеральных штатов) испугал Екатерину, и она высказала столь обычное у монархов мнение, что Франции следует затеять войну, лишь бы не собирать народных представителей. Взятие Бастилии повергло Екатерину в ужас; она негодовала на парижское население, когда оно заставило короля переехать из Версаля в Париж, а затем и перешла к активной помощи королю и эмигрантам: тайно, через посольство, помогала неудавшемуся бегству короля и поддерживала сношения с эмигрантами, мечтая о войне с Францией, о том, чтобы «искоренить всех французов для того, чтобы и имя этого народа исчезло» [1]).

---

[1]) В интереснейших «Записках» Александра Михайловича Тургенева (в журнале «Былое» за 1918 г.) рассказывается, как мучительно встревожена была впоследствии Екатерина, когда получила известие о казни Людовика XVI в Париже. Но, к несчастью императрицы, первый человек, с которым она попробовала обменяться мыслями по поводу казни, огорошил ее самым неожиданным образом. Это был ее библиотекарь И. Ф. Лужков, спокойный философ, проводивший все дни за книгами и совершенно чуждый лести и искательства у всемогущей царицы.

«Государыня,—рассказывает А. М. Тургенев,—вошла в библиотеку встревоженная, с расстроенным лицом, кусая себе губы, и, заняв свои кресла и подавая конверт (с извещением о казни) Лужкову, сказала:

— Прочти-ка, Иван Федорович, какое ужасное злодейство совершили в Париже!

Лужков развернул конверт, прочитал бумаги и, отдавая их Екатерине, сказал:

— Я ничего в этом не нахожу удивительного.

— Как,—возразила Екатерина,—ничего?

— Да, ваше величество, почему удивляться, что отрубили голову—одному. Вот, напротив, это удивительно, что один всем рубит головы, и люди шеи протягивают, это достойно удивления.

Екатерина, рассердясь, вскочила с кресел, двинула стол с такою силой, что было свалила Лужкова с ног, и вышла из библиотеки.

Иван Федорович остался преспокойно продолжать свои занятия, как будто ничего не было и как бы он не виделся с Екатериною.

Две недели императрица не приходила в библиотеку...».

Вот в каком настроении была императрица, когда Радищев, окончив в 1790 году свой труд «Путешествие из Петербурга в Москву», отпечатал его в своей домашней типографии в количестве около 650 экземпляров и пустил в продажу. Радищев мог быть чрез своих знакомых осведомленным о настроении двора, но, вероятно, эта осведомленность была не особенно полной. Во всяком случае, оказалось, что Радищев был настороже. Как только книга начала расходиться,—книгопродавцам было выдано не более 75 экземпляров,—до слуха автора дошло, что вместе с большим интересом, обнаруженным в Петербурге к книге, начались и неблагоприятные толки. Наконец, гром грянул. Был арестован книгопродавец Зотов, впоследствии освобожденный и бесследно исчезнувший, и носивший в цензуру книгу Радищева Мейснер. Тогда Радищев, накануне ареста, сжег все имевшиеся у него книги, оставив лишь рукопись, но потом сжег и рукопись, все корректурные оттиски, листки с поправками и черновики. Но книга его, тем не менее, никогда не умрет в русской истории.

IV.

Касаясь самых разнообразных явлений тогдашней русской жизни, изобличая все то зло, какое правительственная власть усердно насаждала, Радищев первый поставил вопрос о самодержавии и в ярких выражениях очертил его сущность. Взгляды его на высшую власть разбросаны по всей книге. Писатель к ним возвращался поминутно. Они его волнуют не менее, чем наибольшее зло—крепостное право.

В очень красиво описанном сне Радищев изображает, как ему представилось, что он—«царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле». Это выражение—«нечто, сидящее на престоле» указывает уже, как автор относился к высшей власти. Далее, описывая сон, Радищев рисует картину. «Нечто» сидит на золотом престоле. Голова его украшена венцом; ничто не может сравниться с блеском его одежд; скипетр покоится на изваянных из чистого золота снопах. Вокруг престола стояло бесчисленное множество людей, с робким подобострастием ловивших взоры

государя и расточавших ему рабские улыбки. Царь зевнул: весь зал преобразился, исчезли улыбки, и подобострастие стало изображать на себе озабоченность и печаль. Тогда царь сделал попытку улыбнуться и чихнул,—и радость вновь заиграла на лицах чиновников, дворян и всех, окружавших престол. И стали все восхвалять «нечто» и восклицать: «да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки». И полились затем льстивые похвальные речи: царь усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе; обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю; он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие; он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание; он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя его первым служителем; он законодатель мудрый, судия правдивый, он паче всех царей великих и т. д.

Царь в восторге от тех льстивых похвал и чувствует себя премудрым, как Божество.

Но в это время вошла женщина—Истина. Она подошла к царю и сняла с его глаз «толстую плену». «Ты был слеп,—говорит она царю,—и слеп всесовершенно». И Истина открывает глаза самодержцу, указывая при этом, что ей не приходится вообще бывать в царских чертогах. Прежде всего Истина обещает царю, что он, сделавшись зрячим, познает верноподданных, которые, вдали от престола, не царя любят, а отечество, которые за порабощение царем человека будут радоваться царскому поражению. Если царь не послушает правды, то туча вознесется над главою его и стрелы карающего грома приготовят ему поражение. Царь несправедливый, допускающий беззаконие и зло—первый преступник. «Ведай,—говорит Истина такому царю,—ты, первейший в обществе, можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общей тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива»... и т. д.

И под влиянием речей Истины царь начинает прозревать. Одежды его, столь блестящие, кажутся замаранными кровью и омоченными слезами; на пальцах видятся ему остатки мозга человеческого; ноги стоят в тине. Все, окружавшие престол, предстали в другом виде. Вся внутренность их казалась черною и сгорала огнем ненасытности. Они метали на царя и друг на друга искаженные взоры, в которых господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. И увидел затем царь, чем было на самом деле то, за что его хвалили льстецы. Военачальники, посланные на завоевание, утопали в роскоши, а солдаты были «хуже скота», и казна, на них отпускавшаяся, прилипала к рукам начальства [1]). Ордена раздавались за раболепство. Флот, отправленный против неприятеля, бездействовал, и начальник его на мягкой постели нежился с любовницей. В стране всюду была несправедливость, чиновники расхищали казну, обирали народ, беззаконничали и насильничали, и народ тайно называл царя обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом.

Увидел царь всю ту картину и понял свою слабость и коварство министров; понял и то, что он напрасно так любил свою жену, потому что она искала в любви только удовлетворе-

---

[1]) Приводим из «Воспоминаний» А. М. Тургенева чрезвычайно подходящие к характеристикам Радищева данные о крупнейшем фаворите Екатерины—Потемкине, намеков на которого в «Путешествии» вообще не мало.

«Светлейший князь (из смоленских дворян) Григорий Александрович *Потемкин*, по восшествии Екатерины II на царство явный ее величества наложник,—впоследствии истинный и единственный друг и соцарствователь Екатерины».

«Слава России, слава Екатерины была нераздельна со славою Потемкина. Он не разделял себя с государством, не знал и не хотел знать, что принадлежит князю Потемкину, что государству; брал во всех казнохранилищах по произволу деньги, не отдавая в том никому никакого отчета».

«Григорий Александрович Потемкин держал крепость Очаков в осаде, дожидался морозов, чтобы покрылся льдом лиман, войско умирало от холода, голода и житья в землянках, а князь в главной своей квартире в лагере, в устроенных домах из досок, обитых войлоками, давал балы, пиры, жег фейерверки; валялся на бархатных диванах с племянницами-наложницами своими и урожденною гречанкою, бывшею прачкою в Константинополе, потом поль,

ния тщеславия и, при наружной нежности, чувствовала в сердце только отвращение.

«Властитель мира,—заканчивает свой сон Радищев,—если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною страница (т. е. Истина) отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

Повидимому, этот сон и определил судьбу Радищева. Прочитавши первые 30 страниц книги, Екатерина велела узнать имя автора. На другой день императрица, продолжавшая читать книгу, уже приказала гр. Воронцову, начальнику и другу Радищева, допросить последнего частным образом. Но чтение книги продолжалось, и в тот же день этот приказ Воронцову был отменен и дело передано тайной полиции.

Екатерина прочитала сон Радищева... и нахмурилась, как буря. Простить этого она не могла. Понятно, она увидела себя в изображении Радищева. В примечаниях, сделанных собственноручно Екатериной на полях книги, звучит злобная нота: «не знаю,—точно торопится оправдаться императрица,—какова *нега власти* в других владетелях, во мне ее нет». «Они весь ум с'ели, а один государь без смысла»,—замечает она в другом

ской службы генерала графа *Вита* женою, потом купленною у Вита в жены себе графом *Потоцким* и, наконец, видевшею у ног своих обожателями своими: императора Іосифа, короля прусского, наследника Фредерика II, Верженя—первого министра во Франции в царствование короля-кузнеца Людовика XVI, шведского короля Густава; будучи уже в преклонных летах, графиня София *Потоцкая* была предметом (обожания) и Александра Павловича».

«Действия князя Потемкина не имели пределов, власть и воля его превышали волю и власть императрицы; но со смертию Потемкина Екатерина нееростала (до известной степени) быть самовластною, самодержавною повелительницею России. Один придворный блеск, ее окружавший, как тень самодержавия, остался ей в удел. Вельможи делали, что хотели, не страшились ответственности и возмездия, будучи уверенными, что некому исполнить веление государыни. Потемкина уже не существовало».

«Любовная связь Екатерины с кн. Потемкиным превратилась в дружбу какой мало видим примеров. После фавора своего, Потемкин остался все так же могуществен, как и во время страстной любви к нему Екатерины, если еще могущество его более не увеличилось».

месте тех страниц, где изложен сон. Последние страницы сна государыня признала уже наполненными «бранью, ругательством и злостным толкованием... злодейством».

Можно думать, что императрицу более всего возмутили последние строки сна, где царь прозревает относительно любви к нему своей жены, притворно ласкающей, а внутренне чувствующей отвращение [1]).

Если Екатерина, сама либеральничавшая и награждавшая Николева за стихи против самодержавия, могла бы простить Радищеву вольномыслие вообще, то простить ему намеки на себя, как на женщину, возбуждавшую отвращение вследствие старости, она была не в силах: удар был нанесен метко, не в бровь, а прямо в глаз, и чувство мести было ответом на оскорбление. Радищев сидел уже в крепости. Из примечаний, сделанных Екатериною на полях книги, «кнутобойца» составил вопросный лист, и начались муки допроса. Радищев изнемогал в тюрьме.

---

[1]) До старости лет Екатерина Великая развратничала и меняла себе любовников, приобретая их по своей прихоти путем весьма простым и несложным. Приводим из «Воспоминаний» А. М. Тургенева картинку из интимной жизни императрицы, вскрывающую всю грязь той придворной жизни, которую обливал своим негодованием Радищев. Эта картинка дает понять и весь гнев Екатерины, когда она прочитала у Радищева намек на отвращение, какое старая распутная женщина возбуждала в своих наемных любовниках.

«Император Павел,—пишет А. М. Тургенев,—возвел фрейлину покойной императрицы Екатерины в графское достоинство, с правом передачи титула графского родственникам ее. Протасова не имела счастье служить самодержавному и не могла так служить, как она имела счастье служить в Бозе почившей матушке-государыне (Екатерине Великой). Должность и соединенные с ней обязанности Анны Степановны для императора были вовсе не нужны.

«В царствование Великой посылали обыкновенно к Анне Степановне на пробу избираемого в фавориты (в любовники) ее величества. По осмотре предназначенного в высокий сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверении представленного годным на службу относительно здоровья, препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехнощное испытание. Когда нареченный удовлетворял вполне требованиям Протасовой, она доносила всемилостивейшей государыне о благонадежности испытанного, и тогда первое свидание было назначено по заве-

V.

Радищев, чтобы сильнее и ярче изобразить все зло самовластия, не ограничился, однако, этим сном, написанным несколько наивно, но, конечно, с тем рассчетом, чтобы смысл сей басни был понятен всем. Екатерина поняла это отлично, читатели должны были понять еще лучше. Радищев и в дальнейшем изложении продолжает давать меткие определения неограниченной власти.

Развивая свои взгляды на естественное право людей, на законы, власть царя и обязанности его подданных, Радищев подчеркивает необходимость их исполнения, в силу его взглядов на необходимость строгой законности в противовес произволу. «Закон, каков ни худ есть, связь общества. И если бы сам государь повелел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред». Но есть предел и испол-

---

денному этикету двора или по уставу, высочайше для посвящения в сан наложника конфирмованному. Перекусихина, Марья Савична, и камердинер Захар Константинович были обязаны в тот день обедать вместе с избранным...

«В 10 часов вечера, когда императрица была уже в постели, Перекусихина вводила новобранца в опочивальню благочестивейшей, одетого в китайский шлафрок, с книгою в руках, и оставляла его для чтения в креслах подле ложа помазанницы.

«На другой день Перекусихина также выводила из опочивальни посвященного и передавала его Захару Константиновичу, который вел новопоставленного наложника в приготовленные для него чертоги; здесь докладывал Захар уже раболепно фавориту, что всемилостивейшая государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей своей особе флигель-ад'ютантом, подносил ему мундир флигель-ад'ютантский, шляпу с бриллиантовым аграфом и 100.000 рублей карманных денег.

«До выхода еще государыни,—зимою в Эрмитаже, а летом в Царском Селе в сад прогуляться с новым флигель-ад'ютантом, которому она давала руку вести ее,—передняя зала у нового фаворита наполнялась первейшими государственными сановниками, вельможами, царедворцами, для принесения ему усерднейшего поздравления с получением высочайшей милости. Высокопреосвященнейший пастырь митрополит приезжал обыкновенно к фавориту на другой день посвящения его и благословлял его святою иконою!».

нению закона. Есть законы и требования, противные чести и нравственности. И если подобный закон или требование государя будет принуждать гражданина к неправде или нарушению добродетели, то этому следует противодействовать, не боясь ни мучения, ни болезни, ни заточения, ни даже самой смерти, тем более, что цари умом не отличаются: «скажи же,—спрашивает Радищев,— в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?». Восставая против чиновничества вообще, а придворных чинов в частности, Радищев указывает, что многие государи возомнили себя непогрешимыми, как Бог, и передавали свою непогрешимость прислужникам своим. Из них они сделали придворных истуканов, которые точно театральные божки повинуются свистку или трещотке. Вообще все придворное чиновничество — тунеядцы, упитанные тельцы, незаконные сыны отечества. От царей они заимствовали пышность, но только «тесные умы и малые души» могут увлекаться внешностью. Восставая против цензуры и горячо ратуя за полную свободу слова и печати, Радищев резко бичует власть за стеснения человеческого духа.—Но разве власть когда-либо краснеет!—иронически восклицает он. И в пример приводит Фридриха II прусского, который запретил напечатать без цензуры собрание своих же указов. «О властвование, о всесилие,—восклицает Радищев,—ты мыслям своим не доверяешь; ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не заушила».

Самое яркое, уже чисто революционное настроение Радищева обнаруживается в его оде «Вольность». Эта ода в «Путешествии из Петербурга в Москву» напечатана в сокращении. Очевидно, Радищев не рискнул поместить ее целиком, так как она представляет собою восхваление вольности и гимн мятежу против тиранов, проповедь будущей формы устройства Российского государства.

Эта ода целиком напечатана была у нас только 116 лет спустя (в 1906 году) после «Путешествия из Петербурга в Москву», — так сковывала свободную мысль самодержавная власть на целые столетия.

О, дар небес благословенный,—

начинает Радищев свою оду,—

Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
И сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори.
Да Брут и Телль [1]) еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари...

Уже начало оды указывает чисто-революционное пастроение Радищева. Вольность—источник великих дел, когда она ударом сильных мышц претворяет тьму рабства в свет, когда она рождает Брутов и Теллей, тиранобойцев, мстителей народных тиранам народным, когда она потрясает троны, на которых сидят цари.

Дальше Радищев развивает любимые свои и той эпохи мысли. Все люди рождаются свободными. Но в дальнейшем

Возникла обща власть в народе...
Ей общество во всем послушно...
Во власти всех свою зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

Эту теорию общественного договора жизнь нещадно коверкает и уродует. Самодержавная власть в храме рожденного договором Закона создала чудовище.

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,

---

[1]) Брут один из убийц Юлия Цезаря, властелина Рима; Вильгельм Телль убил Гесслера, наместника австрийского императора в Швейцарии, и положил начало швейцарской свободе.

Земные власти попирает,
Главою неба досягает;
Его отчизна там—гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить всем велит.

Чудовище самодержавной власти, недосягаемое, как небо, это небо считает своей отчизной: вот что значит теория небесного происхождения верховной власти. И, создав этот обман, власть создает дальше и другие, населяя страну призраками и тьмой, ложью и приказом верить этой лжи.

Закон се Божий,—царь вещает;
Обман святый—мудрец вещает,
Народ давить что изобрел.

Этот обман, изобретенный для того, чтобы давить народ, есть

Источник лют рабства оков.

И, обращаясь к Богу, Радищев восклицает:

Возможно-ль, Ты чтоб изменился,
Чтоб Ты, Бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

Радищев, как «вольтерианец», мятежом встает и на Бога, когда недоуменно спрашивает его, не «уподлился-ли» Он, если позволяет от Его имени говорить царям?...

А затем республиканец рисует картину жизни самодержавной страны, иронически замечая, что в ней

Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает...

Эта взаимоуслуга не приводит, однако, к счастью людей. Рабский покой не взращивает «плодов златых»: где препятствуют стремлениям ума, там «великость» не может нарождаться. Там лень, беспечность, голод, коварство, неправосудие,—один лишь царь чувствует себя отменно и,

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,

На грозном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, рек, щажу злодея;
«Я властию могу дарить.
«Коль я смеюсь, то все смеется,
«Нахмурюсь грозно, все смятется;
«Живет тогда, велю коль жить».

Что же делает масса, народ, общество?

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменно
Стоят коленопреклоненно...

Но и царям не долго усидеть на престоле. И Радищев рисует в таких красках революцию, когда приходит мститель, «вольность прорекая», а «молва, от края и до края, глася свободу, протечет»:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Царь идет на плаху—таков идеал республиканца. И народ должен судить тирана: это его право.

Сковав сторучно исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел.

И народ, воссевший на царский престол власти, говорит царю, как преступнику уже:

Преступник власти, мною данной,
Вещай, злодей, мной увенчанный,
Против меня восстать как смел?

И народ читает грозный обвинительный акт своему царю:

— Я возвел тебя на высоту,—скажет народ,—чтобы ты соблюдал равенство в обществе, давал приют сиротам и вдовам, чтобы ты был непримиримым мстителем пороку, лжи и клевете, награждал заслуги честью, предупреждал зло, хранил в чистоте нравы. Я дал тебе богатства, чтобы крестьянин не был крепостным; не щадя крови, я дал тебе войска для защиты от внешних врагов. Но ты забыл клятву, мечом расторг мои желанья, уничтожил все права, унизил истину, расчистил мерзостям дорогу и стал взывать не ко мне, народу, а к Богу, гнушаясь мною. Я разделял с тобою крохи и не щадил своего труда. Но тебе этого мало. Для чего ты сорвал с меня рубище? Чтобы одарить льстивого любимца или жену, чуждающуюся чести? Мечом, приготовленным против злодея, ты угрожаешь невинности.

Ты свои полки воинства повел на бой, но разве ради кары во имя человечности? О,—нет—иронизирует зло Радищев:

В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившися, в Афинах:
«Герой!»—зевав, могли сказать.

И народ выносит суровый приговор своему царю, обращаясь к нему с такими словами:

«Злодей, злодеев всех лютейший.
«Превзыде зло твою главу.
«Преступник, изо всех первейший!
«Предстань, на суд тебя зову!
«Злодейства все скопил в едино,
«Да не едина прейдет мимо
«Тебя из казней, супостат!
«В меня дерзнул острить ты жало!

«Единой смерти за то мало—
«Умри, умри же ты стократ!».

И Радищев вспоминает здесь Кромвеля [1]), называя его злодеем за попирание свободы англичан, но считая его великим за то, что

Научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

И после казни царя народ стекается на вече и престол чугунный разрушает...

Велик, велик, ты, дух свободы!
Зиждителем, как сам есть Бог!

Но народы должны после кровавой революции бережно хранить свою свободу. После ее торжества легко может вернуться рабство:

Народы мнили—правят сами,
Но Август выю их давил,

потому что

Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Чтоб обществу устроить казнь.

И поэтому Радищев предостерегает народы:

О, вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.

И трогательно обращается Радищев к Франции, где гремели в это время молниеносные громы революции:

---

[1]) Во время борьбы английских народных представителей с лживым, двоедушным, все обещавшим и ничего не исполнявшим королем Карлом I дело дошло до вооруженного восстания между приверженцами короля и парламента. Армией защитников народной свободы командовал Оливье Кромвель, офицер и депутат парламента. Король был разбит, затем взят в плен и в 1648 году казнен, как «убийца и враг страны». Кромвель сделался протектором (покровителем) Англии, но и сам, как деспот, боролся с парламентом и попирал свободу.

К тебе, душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того-ж, того-ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен—
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

Мы в России страдаем и завидуем Франции и ее революции и того же жаждем и для нашей родины! Пример Франции указал, куда должно метить России. И Радищев скорбит, что он непричастен великому делу Французской революции и считал бы себя счастливым, чтобы его прах был похоронен там, в стране революционной борьбы. Но Радищеву суждено оставаться в России. И хорошо. И одного желает поэт чтобы юноша пришел к его гробу и сказал бы «с чувством»:

«Под игом власти, сей, рожденный,
«Нося оковы позлащенны,
«Нам вольность первый прорицал»...

Такую надгробную надпись придумал себе Радищев, и она должна бы быть повторена на всех ему памятниках: он ее заслужил. Он первый вольность «прорицал», и Пушкин признал это, сказав про себя, что он свободу восславил лишь вслед Радищеву.

Еще примечательнее заключительные строфы оды «Вольность», в которых поэт рисует будущее России. Он предсказывает, что будет ширить она свои пределы на запад, юг и восток. Но чем обширнее будут пределы страны, тем «слабее членов союз», «между собой все чужды части». Власть, закон пошатнется, и всякий будет «блюсти свою часть», т. е. все части России обнаружат «бренное сложенье» и распадутся. Но этого Радищев не боится. Он верит, что произойдет и воссоединение частей:

Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет...

Россия обратится в развалину, но

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей зажег,—
Возникнут малые светила.

Малые светила—это части России, ее распавшиеся области: областные государства, которые соединятся для общего спасения,

Незыблемо свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят,
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцом...

Тогда «затрещат оковы нощи». В борьбе против «содружества малых светил»

Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатяся, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

Но этот террор не поможет. Против властей сложенья—сложенье светил «в избраннейший день» низвергнет несносное бремя оков... И над Россией взойдет новое солнце вольности.

Мы видим, какая сильная и страстная идея руководила автором, когда он обличал самовластие и все преступления, с ним соединенные. Республика, соединяющая все разнородные области, разноязычные народы в одно содружество, республика, не знающая религиозных и политических суеверий и построенная на свободе и братстве людей,—вот конечный идеал Радищева, вот то, к чему он пришел на 40-м году жизни, уже с посеребренной сединою головой.

Радищева смело можно назвать первым русским республиканцем. Ученик Мабли остался верен своему учителю. Правда, Радищев в тех отрывках из оды «Вольность», которые он воспроизвел в своем «Путешествии», не изложил ясно и определенно свою республиканскую программу, и Екатерина не вполне догадалась, в чем дело. Но зато императрица верно поняла суть взглядов Радищева, когда к оде «Вольность» сделала следующее примечание: «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалой».

VI.

Как мог республиканец, который должен был скрывать свои истинно демократические воззрения, относиться к порядкам, царствовавшим тогда в России?

Если на самодержавном троне восседал тиран, достойный смерти, то понятно, что творилось в стране, обреченной на медленную пытку, на утонченную смертную казнь, не приносящую смерть, но жизнь в ад обращающую.

Зло самовластья особенно ярко отливалось в крепостном праве. Царь на троне создавал царей на земле, в поместьях, в помещичьих усадьбах. Царь властвовал по всей стране,—помещик воспроизводил царское управление у себя дома среди подвластных рабов-крепостных.

В царствование Екатерины крепостное право достигло наивысшего своего расцвета—недаром оно вызвало народный бунт Пугачова. Просвещенная императрица умела писать на бумаге красивые слова и даже находила возможным осудить крепостное рабство: «противно христианской религии,—писала она,—обращать в рабство людей, которые родились свободными; свобода—душа вещей; без нее—все мертво; я хочу, чтобы повиновались законам, но не хочу рабов». Но всю свою жизнь просвещенная государыня насаждала рабство. А помещики, просвещенные и непросвещенные, раболепствуя пред троном, тем злобнее неистовствовали над крестьянами.

Крестьяне были рабами безгласными, безмолвными и обреченными на вечный труд в пользу помещика. Ему они должны

были повиноваться беспрекословно. Они не имели права переходить к другим владельцам, ни в другое состояние, ни переселяться. Даже в брак они могли вступать лишь с согласия барина. Трудом крепостных помещик распоряжался, как хотел. И, не считая раба за человеческое существо, мог продавать этого раба, как скот, с землею и без земли, отдельно или партиями и деревнями. Он мог наказывать своих рабов, ссылать их в Сибирь, отдавать в рекруты. Закон, конечно, на словах, запрещал жестокое обращение с крестьянами, но в жизни мученичество крепостных рабов было превеликим. Всем известно имя помещицы Екатерининских времен Салтычихи, до смерти замучившей 139 своих крепостных. Хотя Салтычиха была посажена за это в подземную тюрьму на всю жизнь, но это был случай исключительный, как исключительна по своей неразумной жестокости была сама Салтычиха [1]). Другие были осторожнее, воздержаннее и умнее, и более ловко, путем взяток и влияния, парализовали вмешательство властей и, создавая такую же, как и Салтычиха, обстановку жизни для своих рабов, прекрасно уживались с законом, нарушая его по своему усмотрению.

Рабов-крестьян не только продавали. На них смотрели хуже, чем на товар. Их проигрывали в карты, меняли на собак, отдавали для целей разврата, ими платили долги, давали взятки. В газетах можно было встретить в то время такие об'явления:

«Продается малый 17 лет и мебель».

«Продается малосольная осетрина, 7 сивых меринов и муж с женою».

«Некто продаст 11-ти лет девочку и 15 лет парикмахера, да сверх сего 4 кровати, перины и прочий домашний скарб».

Помещики, обращаясь с крепостными, как с рабами, которые для них были порой хуже всякой домашней рухляди, в то же время окружали крестьянскую жизнь самой мелкой опекой, создавая правила жизни по своей прихоти. Были особые любители устраивать жизнь крестьян по своему и точно ее регламентировать, другими словами—назначать самые жестокие наказания

---

[1]) Против Салтычихи (Салтыковой) до этого приговора было возбуждено 21 дело, но все они, при тогдашнем правосудии, прекращались властями.

за нарушение своих, большей частью, нелепых правил. У одного помещика, например, за неявку к нему на поклон, крестьянин получал 1.000 розог. За уклонение от причастия—5.000 розог. После розог разрешалось лежать в больнице только определенное количество дней. После 17.000 розог можно было лежать только 3—4 дня. В имении Румянцева были установлены строгие правила жизни, за нарушение которых крестьянам назначались наказания—штрафы, цепи, тюрьма и батоги. За кражу отнималось все имение, и виновный сдавался в солдаты. За оскорбление дворянина виновного секли, а количество розог определял по своему усмотрению оскорбленный дворянин, и т. д.

Количество крепостных крестьян при Екатерине значительно увеличивалось, потому что просвещенная государыня раздавала крестьян в дар своим любовникам и любимцам [1]). Каждый новый любовник императрицы получал чины, денежные подарки и именье с крестьянами. Свободная Малороссия была роздана дворянам, причем свободные крестьяне просто зачислялись крепостными.

Всего Екатерина раздала в свое царствование дворянам до одного миллиона крестьян. Потемкин, бывший самым любимым наложником императрицы, получил всего 200.000 крестьянских душ. Вот список некоторых подарков Екатерины.

Пять братьев Орловых [2]) получили 45.000 душ крестьян с землями, дворцами, драгоценностями и т. д. на 17.000.000 р., Потемкин всего на 50.000.000 р., Мамонов на 880.000 р., Платон Зубов на 2.700.000 р., Ланской на 7.200.000 р. Высотский, гвардейский офицер, понравился императрице, и за кратковременную связь свою она подарила ему 300.000 р., Васильчиков за сожительство с царицей в течение 22 месяцев получил свыше 1.000.000 р. Всего царица на своих любимчиков истратила в течение 34 лет около 100.000.000 р.

---

[1]) Лев Толстой в «Николае Палкине» пишет об Екатерине II: «Сильнее и отвратительнее всего..... было во мне это чувство негодования и омерзения... при описании жизни отвратительной блудницы Екатерины и всей подлости окружавших ее,—подлости, до сих пор остающейся в их потомках».

[2]) При помощи Орловых был убит муж Екатерины Петр III.

Все эти картины видел Радищев, и что, кроме гневного презрения, мог он чувствовать в своем республиканском, демократическом сердце? Писать прямо обо всех этих государственных мерзостях нельзя было. Пришлось говорить о крепостном праве вообще, не затрагивая императрицы. И всю силу своего скорбного негодования Радищев излил на помещиков, клеймя их за их преступления против русского народа.

Пылая гневом, горя святым негодованием, в обширном ряде страниц описывает он ужасы крепостного права и в приподнятых, даже крикливых, выражениях бичует власть и помещиков, обративших людей в скотов.

Яркими красками рисует Радищев тяжкую крестьянскую жизнь.

Жилище крестьянина—курная изба с покрытыми сажей и грязью стенами и заткнутыми пузырем окнами; изба, в которой люди спят ночью вместе с животными, в спертом воздухе которой свеча горит, как в тумане. Внутреннее убранство этой избы состоит из скудной утвари, двух-трех горшков,—«счастлива изба, коли в одном из них есть пустые щи»,—деревянной чаши и кружков вместо тарелок, срубленного топором стола, корыта для корма свиней и телят и кадки с квасом, похожим на уксус. Одежда крестьянина—посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки с лаптями для выхода.

В целом ряде последовательных, одна другую сменяющих картин, дает Радищев бытовые наблюдения над рабской жизнью крестьянина.

Вот помещик, который заставляет работать крестьянина все шесть дней недели на себя. Для себя же и семьи крестьянин может работать только ночью. Вот помещик, который мучит крестьян работой и голодом, кормя их один раз в день. Тех, кого он считает ленивыми, он наказывает плетью и кошками. Сыновья его насилуют жен и дочерей крестьян. Крестьяне, выведенные из терпенья, убивают помещика.

Вот помещик продает с молотка дворовых людей. Он на торг посылает даже семидесятипятилетнего старика. Не пощадил помещик в этом старике старого слугу, который с отцом господина своего был в крымском походе и раненого унес его с поля сражения;

потом был дядькой молодого барина и также несколько раз спасал ему жизнь. И молодой барин продал его с торгов... Так же на торги поступила и старуха восьмидесяти лет, жена слуги, которая была кормилицей матери помещика, а потом и нянькой...

Вот четвертый помещик, который насаждал прилежание и выбивал лень из крестьян мучительными и жестокими средствами. Если крестьянин казался ему ленивым, то помещик сек его розгами, плетьми, батогами или кошками, смотря по мере лености. За кражу он не только сек крестьян, но и надевал им на ноги колодки, кандалы, а на шею - рогатку. Сожительница его имела полную власть над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как и у ее мужа, ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать... Плетьми или кошками секли крестьян сами сыновья, по щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери... Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильщицами, из которых они многих изувечили...

Вот пятый помещик, который у себя в имении пользовался правом первой ночи. Каждую ночь посланные приводили к нему на жертву бесчестья ту, которую он для того дня назначил. Этот помещик «омерзил» 60 девиц, лишив их непорочности. Крестьяне решили, наконец, убить этого лиходея и, схватив его, повели уже помещика на казнь. Варвар был выручен командою солдат...

По капризу шестого помещика, 20-ти-летняя крепостная девушка отдается в замужество за 10-ти-летнего ребенка и т. д.

Суммируя свои впечатления, Радищев пишет: «Тут видна алчность дворянина, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем—воздух. Да, один воздух. Отнимаем у него нередко не только дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает от'ять у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов от'ять у него ее постепенно? С одной стороны почти всесилье; с другой—немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законо-

датель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не может. Се жребии заклепанного в узы, се жребии заключенного в смрадной темнице, се жребии вола в ярме».

И, обращаясь к помещикам, Радищев восклицает: «Страшись, помещик жестокосердный! На челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение»...

Далеко опережая свой век и лучшие умы, Радищев проповедовал постепенное освобождение крестьян и при том с землей,— эту ересь он единственный осмелился сказать тогда в лицо дворянам-помещикам.

Обращаясь к уму и сердцу читателей и рисуя картины вопиющей крестьянской бедности, Радищев доказывает все зло, всю безнравственность и весь вред для государства крепостного труда и всеобщего рабства. Он доказывает рассуждениями и трогает сердце горестными восклицаниями. Он уличает помещиков, называет их зверями алчными, пиявицами ненасытными, кровопийцами, палачами, варварами, а в конце концов развивает весьма разумный план освобождения крестьян.

Но этого мало. Радищев грозит. Он предупреждает граждан, что стране, где две трети населения «в законе мертвы», грозит опасность и гибель. «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противодействие». «Прервав оплот однажды, никто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, в узах нами содержимые», т. е. крепостные. «Ждут случая и часа, колокол ударяет, и се пагуба зверства разливается быстротечно». Мы увидим вокруг «меч и отраву», «смерть и пожигание» нам будет ответом «за нашу суровость и бесчеловечие». «Опасность уже вращается над главами нашими», — предсказывает Радищев: «берегитесь!»

Но как же помочь горю, откуда ждать свободы? Крестьянин в законе мертв. Но он будет, будет жив, — восклицает уверенно Радищев, «он жив будет, если того восхощет». И не от помещиков надо ждать освобождения, а от самих крестьян: «от самой тяжести порабощения». Гнет рабства сделался невыносимым. «О, если бы рабы, — восклицает в «Путешествии» один

приказный, — тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольность их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили бы нивы свои. Что бы потеряло государство?... Не мечта сие... Я зрю сквозь целое столетие». И Радищев призывает к мщению за действия крестьян против помещиков: «сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершилось его мучительство»...

Возлагая надежды на насилие, Радищев исходил из своих философских воззрений на отношения граждан к государству и власти. В эти воззрения входил и взгляд на самозащиту, если закон не хочет и не может защитить гражданина, или его права попираются. И Радищев красноречиво, поэтому, оправдывает крепостных крестьян, убивших четырех помещиков за оскорбление целомудрия девушек. В уста судебного чиновника, который настаивал на оправдании таких крестьян, Радищев вкладывает защиту убийств, защиту горячую и страстную. Судебный чиновник, конечно, должен был удалиться со службы. Иначе и не может быть в стране произвола, где правосудие таково, что «обвиняемый не имеет почти власти оправдаться».

Так же резки нападки Радищева на придворную знать, на чиновничество, бесчестное, алчное и холопствующее пред высшими, на судей, продающих за деньги свою совесть, — и с такой же резкой горячностью Радищев защищает свободу совести и свободу слова.

В области совести он признавал лишь абсолютную свободу. Даже богохуленье не вызывало в нем протеста. «Если думаешь, — писал он, — что хулением Всевышний оскорбится, урядник ли благочиния может быть за него истец? Установление свободы в исповедании обидит попов и чернецов, да и те скорее пожелают себе приобрести овцу, нежели овцу в Христово стадо».

Так же широко смотрел Радищев и на свободу слова и печати.

«Пускай печатают все, — говорит он в своем «Путешествии», — кому что на ум взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не

всегда суть деяния, размышления же не преступления. Но брань на словах и в печати—всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать,—того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не только не может быть вреда, но польза, польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

«Цензура сделана нянькой рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, которые ходят на помочах, от чего у них нередко бывают кривые ноги. Где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок должен ходить на помочах и совершенный на возрасте будет калека... Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее.

«Чем основательнее государство в своих правилах, чем стройнее и тверже оно само в себе, тем менее может оно поколебаться и трястись от дуновения каждого мнения, тем более благоволит оно свободе мыслей и свободе писания, от которой под конец верно будет прибыль истине. Губители бывают подозрительны... Муж, явно творяй правду и твердый в правилах своих, допустит всякий глагол о себе».

В виду того, что по цензурным условиям Радищев не мог касаться вопроса о республике или народовластии вообще, а свои идеи о конституции он высказывал еще до издания «Путешествия» в двух других книгах [1]), он не рисует общего плана государственного переустройства по известной системе, а просто излагает проект тех мер, которые надо осуществить в стране, или изображает те цели, к которым нужно стремиться. Таковы: уничтожение крепостного права, распространение наук, искусств и ремесл, равновесие властей (разделение власти законодательной, исполнительной и судебной, что возможно лишь при кон-

[1]) «Житие Ушакова» и «Письмо к другу».

ституции), свобода печати и вероисповеданий, умеренность наказаний, отсутствие войн и т. д.

Для того времени, хотя конституционные идеи уже носились в воздухе и имели весьма многих последователей, книга эта была весьма крупной и ценной. Она последовательно и систематически раскрывала язвы того времени и указывала определенно на первопричину всего. Книга эта была первым великим словесным бунтом против правительства: она была предтечей того великого, но неудачного, бунта, который пытались произвести русские аристократы-революционеры в декабре 1825 года (движение т. наз. «декабристов»). Смелый мечтатель, глубоко веровавший в силу разума, который «снимает бельма с глаз людей» и открывает им истину; человек, глубоко веровавший в людей и их способность перестраивать жизнь в силу требований разума, в полетах своей благородной мысли и в порывах своего любящего сердца не считавшийся с окружавшей его средой и, несмотря на все препоны, вышедший с отважною проповедью в темном царстве России,—Радищев прекрасен, как юноша, рвущийся в бой, не рассчитывая своих сил. В этой неравной борьбе он погиб. Екатерина ничего не простила ему.

Ничего не могла простить ему Екатерина и как самодержавная властительница и как женщина, уже на возрасте и потому болезненно-самолюбивая в вопросах чисто личных, интимных.

Екатерина считала себя просвещенной монархиней и не боялась, когда в первые годы ее царствования вокруг говорили о деспотизме. Она была слишком высокого мнения о себе и слишком свысока смотрела со своего престола, к которому припадала вся помещичья-дворянская Русь, чтобы считаться с мелочами политики. И в то же время она была на редкость образованной для своего времени женщиной, и возведенная переворотом на престол, всем обязанная дворянству, она естественно хотела показать, что в ее управлении и в ее взглядах нет и тени самодурного самодержавия и деспотизма ее убитого Орловыми мужа, Петра III-го.

Но либеральные взгляды ее выветривались и от столкновения с жизнью, пропитанной старым деспотизмом, так ярко про-

явившимся в крепостном праве, и от умудренности опытом, который привязывал к неограниченной власти и толкал на то, чтобы ради этого приносить в жертву все свои взгляды. Начав с либерализма, Екатерина перешла затем к определенной реакции; от робких мыслей о постепенном освобождении крестьян—к усиленному насаждению крепостного права, в особенности под влиянием крестьянских бунтов, а затем и своей неизбывной страсти к смене фаворитов, из которых каждый награждался живыми крестьянскими душами.

Французская революция докончила этот процесс обращения либеральной дамы на престоле в заурядную фигуру самодержицы. И к тому времени, когда Радищев вздумал свести с небес своих мечтаний на землю грубой прозы все свои политические и социальные идеалы,—Екатерина, как просвещенная правительница, была уже конченным человеком, — оставался деспот на престоле. Гибель Радищева этим была предрешена. Он не сознавал этого в полноте, но опасался все же действовать решительно,—недаром же он сжег почти все свое издание при первых признаках опасности, когда был арестован книгопродавец Зотов.

И, тем не менее, героическое выступление Радищева было одним из самых замечательных в истории борьбы русского народа и общества с самодержавием. Этот поединок благородного идеалиста, вооруженного пращом правды, с гигантом самодержавия прекрасен по несоразмерности сил—по безумной храбрости одного и лютой силе, злобе и жестокости другого.

Радищев далеко опередил свое время. Еще зрели семена декабризма [1]). Появлялись только первые всходы. А зрелый муж Радищев с посеребренной головой горел уже революционным

---

[1]) Декабристы, как видно из их показаний, находились под влиянием той же литературы, которая определила и политические воззрения Радищева. На допросах декабристы повторяли имена Рейналя, Руссо, Мабли, Гельвеция, которыми увлекался и автор «Путешествия из Петербурга в Москву». В свою очередь и эта книга оказала влияние на будущих декабристов. Во многих показаниях мы находим ссылки на книгу Радищева, как сильно содействовавшую выработке их революционного настроения.

огнем. Восстание России против самодержца рисовалось ему, как единственный выход для обновления родины, для ее спасения для ее славы и величия. У России был один враг: самодержавие—«чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй» (этот стих Тредьяковского взят Радищевым, как эпиграф к своей книге). Народный бунт должен прикончить с ним. Сам народ должен натиском своим согнать царя с престола, предать его всенародному суду и открыто требовать от него ответа за все преступления, им совершенные. Ответ заранее известен. Стократной казни достоин тиран, и народ казнит его. И что бы ни было дальше, какой бы ценой ни купила Россия уничтожение самодержавия, хотя бы ценою временного распада на составные свои части, все равно, нет той жертвы, которой не следовало бы принести ради уничтожения деспотической монархии.

Радищев шел впереди общества Екатерининского времени. Тогда только-только начинали созревать либеральные идеи, и просыпался русский гражданин. Он был еще младенцем в политическом отношении. А Радищев развивал уже пред ним сложную и большую программу, которая казалась смертельно опасной русскому самодержавию вплоть до 1906 года, когда революция 1905 года расчистила путь относительной свободе слова. Царствование Александра II осуществило крошечную долю радищевских реформ, да и то изуродованно, неуклюже, а порой и нелепо.

Все это показывает, какой гигантский шаг вперед сделал Радищев, бросая обществу и резкий вызов, и горький политико-социальный урок; и вместе с тем это были благие семена, которые вскоре, уже с первых дней царствования Александра I, начали давать свои плоды.

Радищев своей книгой пытался расширить горизонты русского общества, раздвинуть тесные рамки, в которых оно искусственно замыкалось самодержавием, указать ему новые светочи, новые маяки. Пусть книга Радищева погибла в количественно-большом числе экземпляров. Но качественно для свежей и плодотворной идеи количество книг не играло такой роли. Идеи в борьбе с самодержавием просачивались сквозь все препятствия,

препоны, глухие стены [1]). Деспотизм изживал себя. Преемник Екатерины, Павел, был чудовищем самодержавия на престоле,— недаром его наследник и сын, с благословения которого Павел был убит, мечтал уже о российской республике,—до того тошно делалось всем от слишком грубого азиатского деспотизма русских самодержцев.

И книга Радищева, идеи которого не могли быть сожжены никем, — даже и автор был бессилен сделаться собственным своим палачом,—не могла не сыграть своей роли в росте этого морального отвращения к самодержавию, освящавшему все гнусности русской жизни. И если, в конечном счете, оно погибло, то первой большой каплей яда, преподнесенного в общей чаше русской мыслью деспотизму, были идеи Радищева. Он был идейным, отвлеченным тираноубийцей, цареубийцей по силе своей ненависти к царизму и к царям, по пылкой восторженности революционного возбуждения и по напряженности своего гнева против монархов.

VII.

Уже потому, что дело начала сама императрица, ясно было, что с самого начала Радищев был не обвиняемым, а заранее и бесповоротно осужденным. Обвинение написала сама императрица в собственном своем разборе книги Радищева, в целом ряде примечаний, в которых Екатерина то оправдывается перед другими и самой собой, то гневно нападает на автора, то ищет скрытых мотивов его поступка.

Первое, что пришло в голову Екатерине, когда она начала читать Радищева, была Французская революция. Она была кошмаром императрицы. Народный бунт в стране, идеями которой она и сама была заражена, воспитавшись на них, казался, ко-

[1]) Запретная книга, несмотря на ее уничтожение как самим автором, так и распоряжением властей, все же приобрела широкую известность в общественных кругах. Ее переписывали с тех редких экземпляров, которые сохранились в частных руках, и списки эти ходили по всей России. И разбитое сердце Радищева, когда он возвращался из ссылки, могло утешиться, когда писателю в Кунгуре на границе Азии довелось увидеть у одного из обывателей рукописную копию с «Путешествия из Петербурга в Москву».

нечно, прежде всего угрозой собственному ее трону. И поэтому первое ее примечание к книге Радищева гласило: «Намерение сей книги в каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и к властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства». «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется»,—пишет она дальше. «Думать можно, что (Радищев) целит на французский развратный нынешний пример». И, наконец, императрица заявляет решительно по прочтении всей книги, что «Французская революция его (Радищева) решила себя определить в России первым подвизателем».

Но кроме этих прямых обвинений в сеянии французской заразы с целью борьбы с русским самодержавием, Екатерина пыталась об'яснить себе, во имя каких же идей начал писать Радищев свою ужасную, с точки зрения царицы, книгу? И, роясь в душе Радищева, Екатерина приходит к заключению, самому неприятному для автора и, конечно, самому вздорному. Не допуская, что Радищев совершал свой подвиг во имя высоких идей, в силу своей убежденности и сознания долга пред Россией, императрица, видевшая вокруг себя только лесть, искательство, чинолюбие и пресмыкательство, об'ясняет поступок Радищева оскорбленным его самолюбием. И первое, что приходит в голову Екатерине, это то, что Радищев в книге сводит какие-то личные счеты. «Вход не имеет в чертоги»,—думает Екатерина, об'ясняя «злость» Радищева. Родился, мол, он с «необузданной амбицией» и «готовился к высшим степеням», но до них «не дошел», а потому «желчь нетерпения разлилась у него»...

И уже совсем наивно она пишет в конце своих замечаний: «Скажите сочинителю, что я читала его книгу от доски до доски, и, прочтя, усомнилась, не сделана-ли ему мною какая обида?».

Выше императрица подняться не могла. Ей идеальная сторона подвига Радищева была, конечно, чужда и непонятна. Скорее она оправдала бы обиженное самолюбие, амбицию, личную обиду, наконец. Но выше идти она не могла.

И приказала кнутобойце Шешковскому произвести расследование. И Шешковский, получив примечания императрицы,

добросовестно переложил их в вопросы обвиняемому и, таким образом, в данном случае мы имеем дело с редким процессом, с тяжбой между всесильной монархиней и писателем, причем обвинительницею в личных делах своих выступает сама государыня, которая когда-то не признавала законов об оскорблении величества...

Понятно, что кнутобойца неистовствовал. Что делал Шешковский с Радищевым, конечно, мы не знаем. Но приемы этого опричника при допросах были ужасны. «Шешковский,—рассказывает в своих «Записках» А. М. Тургенев,—пытал, мучил и тиранил... Правда, с тех, которые после наказания оставались живы, он брал подписки в том, что они во всю жизнь никому и ни под каким предлогом не будут говорить о случившемся с ними. Наказанный был обязан подтвердить присягой и обещать, если проговорится,—подвергнуть себя безответному вновь наказанию».

Вот какой следователь был Шешковский. И неудивительно, что Радищев, узнав, что ему придется идти на допрос к кнутобойце, упал в обморок. И понятно, почему тотчас же был приведен к покорности Радищев и в показаниях начал раскаиваться и приносить повинную... Не будем осуждать за это человека, попавшего в лапы к зверю-палачу.

Дело перешло от Шешковского в палату петербургского уголовного суда. Но этому суду не доверяла императрица, и повелено было не сообщать ему всего производства по делу, всех протоколов допроса Радищева Шешковским. Безбородко, ближайший советник и руководитель императрицы, которая через него и делала все распоряжения по делу Радищева, приказывал петербургскому главнокомандующему, графу Брюсу, чтобы уголовная палата ограничилась только четырьмя вопросами Радищеву: он ли сочинитель книги, в каком намерении сочинил ее, кто его сообщники, и чувствует ли он важность преступления? Безбородко прибавил, что обыкновенный суд не должен идти дальше и вникать в дело по существу: достаточно ответов на эти вопросы, чтобы осудить беспощадно. Келейных допросов палате сообщать не следует, тем более, что многие вопросы,—особливо: «не имеет ли он какого недовольствия или обиды на ее величество»,—отнюдь непристойно выводить пред судом. Что касается

раскаяния Радищева, то оно,—писал Безбородко,—суда не касается и в воле государевой на него воззреть...

Так, без всякого формального и по существу производства, и судили Радищева. Любопытно, что палате все же книгу Радищева прочитать вслух в составе суда разрешили, но главнокомандующий потребовал, чтобы во время чтения в присутствие не были пускаемы канцелярские служители... Так боялась Екатерина заразы от книги, так боялась она и суда, смущенная, сама себе не верившая и боявшаяся, что слово правды может проскользнуть даже в рабски-покорном ей суде.

Суд был, конечно, варварский.

VII.

Встретилось, однако, препятствие: в законах не было статьи, которая предусматривала преступления в печати. Но с правосудием чиновники не стеснялись. Отыскали статьи уложения, гласившие «о ворах, затевающих воровским умышлением смуту, о мыслящих на государево здоровье злое дело и хотящих московским государством завладеть и государем быти». Потом палата присоединила сюда, ни к селу, ни к городу, воинские законы Петра I и привела статью, которая говорит: «когда крепости или шанцы штурмованы будут, а начальники с солдатами уступят прежде, пока они крайнюю силу учинили», и т. д. На этом основании палата приговорила Радищева к смертной казни. Дело перешло в сенат, который тоже был затруднен отсутствием закона и поэтому разыскал еще статью о пасквилянтах в морском (!) уставе и также приговорил Радищева к смертной казни.

Вот указ сенату Екатерины, который повторяет обвинения, изложенные в ее же примечаниях на книгу Радищева:

Указ сенату 4 сентября 1790 года.

Именной указ, данный Сенату. О наказании коллежского советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской.

Коллежский советник и ордена св. Владимира кавалер, Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги

его и должности подданного, изданием книги, под названием: Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской, учинив сверх того лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За такое его преступление осужден он палатою уголовных дел Санктпетербургской губернии, а потом и сенатом нашим, на основании государственных узаконений, к смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживает он сию казнь, по точной силе законов, означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтобы соединить правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верноподданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда Всевышний увенчал наши неусыпные труды в благо империи, от Него нам вверенной, вожделенным миром с Швецией, освобождаем его от лишения живота и повелеваем, вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание; имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их».

Двух приговоров было мало Екатерине. Она, притворно сославшись на свое желание «не быть пристрастною», передала до вышеприведенного указа сенату дело еще в совет, приказав об'явить ему, что «она презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ее величества».

«Совет ее величества» не был судебной инстанцией. Он был учрежден во время турецкой войны для совещания по военным событиям. Во всяком случае передача судебного дела в военный совет явилась совершенно неожиданной, но дело об'ясняется с одной стороны боязнью Екатерины, что она действует во всем этом процессе слишком лично, и поэтому она хотела бы, чтобы против Радищева было выдвинуто возможно

большее количество обвинений, а с другой—умная императрица, критически относясь к приговорам палаты и сената, усмотрела в них пропуск. И поэтому Екатерина прямо указала совету на два новых обвиняющих Радищева, но пропущенных сенатом и палатой, обстоятельства: на нарушение верноподданнической присяги и на личное оскорбление императрицы. Совет ее величества, конечно, приговор одобрил...

Екатерина, как сказано, своим указом сенату заменила смертную казнь десятилетнею ссылкою в одно из самых отдаленных мест Сибири—Илимский острог, более 500 верст к северу от Иркутска.

18 сентября Радищев в кандалах и в «гнусном нагольном тулупе», взятом у сторожа, был отправлен в Сибирь [1]). В либеральных кругах общества были очень недовольны таким суровым приговором. Горячую поддержку нашел Радищев в гр. Воронцове, который снабдил его на дорогу деньгами и написал

---

[1]) По ходатайству гр. Воронцова, Екатерина II-ая, повидимому, не особенно спокойная в своей совести за дикую расправу с Радищевым, распорядилась отправить вслед за писателем курьера с приказом снять кандалы и дать Радищеву хорошую одежду. Курьер догнал Радищева в Новгороде, и отсюда писатель ехал в сравнительно сносных условиях. В Москве Радищев провел несколько дней в доме своего престарелого отца, приехавшего в древнюю столицу. В конце 1790 года Радищев приехал уже в Тобольск, где прожил около полугода, поджидая свою свояченицу (на которой он впоследствии женился), с двумя своими сыновьями. В Тобольске местное общество встретило изгнанника, окруженного ореолом политического мученичества, самым радушным образом и устраивало в честь его обеды, вечера и спектакли.

В январе 1791 года Радищев приехал в Илимск, где для него был уже приготовлен воеводский дом из 5 комнат со многими службами. Через год Радищев, при помощи присланных ему иркутским генерал-губернатором плотников и столяра, построил себе новый дом, обширный и удобный, с помещением для библиотеки, которая непрерывно пополнялась книгами на разных языках, присылавшимися гр. Воронцовым.

В Илимске Радищев снискал себе самое глубокое уважение в населении; широкую популярность он приобрел еще и тем, что занимался врачеванием. Радищев первый привез в Сибирь оспопрививание, которое в России стало применяться при Екатерине II, а когда Радищев уезжал из Илимска, его провожало все население города, и добрая память о Радищеве жила еще долго во многих поколениях сибиряков.

письма многим губернаторам, прося их о гуманном отношении к Радищеву. В обществе как-то не верили в бесповоротность осуждения Радищева. Ежегодно возникали слухи об его помиловании, но Екатерина была снисходительнее к обманывавшим ее любимцам... Радищев получил свободу в ноябре 1796 года при Павле I, который позволил ему, вернувшись из Сибири, поселиться в Калужской губернии [1]). Лично он и его переписка были отданы под надзор полиции. Настоящая свобода была дана измученному писателю только Александром I, манифестом 15 марта 1801 года.

Ради[illegible], когда он вернулся в Петербург, было уже 52 года. В Сибири [illegible] тяжело жилось, хотя он неустанно читал и работал пером. Еще тяжелее ему было от тяжких дум, неустанно посещавших его после злополучного процесса. При допросах, производившихся Шешковским, Радищев, никогда не отличавшийся здоровьем, угнетенный и удрученный, вынужденно давал показания, которые можно счесть за раскаяние, но, раскаиваясь, он все же на допросах доказывал и основательность своих воззрений [2]). Во всяком случае, этот процесс разбил тело и душу Радищева, и в либеральное начало царствования Александра I-го седой республиканец был уже сильно поддавшимся.

Но в душе его еще тлела яркая надежда. Он работал и в комиссии по составлению законов, где его сослуживцы тотчас заметили, что он «мыслей вольных и на все взирал с критикой». Особых следов от этой работы не осталось. Существуют лишь указания, что Радищев составил, может быть, по предложению императора Александра I, проект либеральных реформ (о сво-

---

[1]) Когда Радищев возвращался из Сибири, общество крупных попутных городов принимало его восторженно. В Казани и в Нижнем-Новгороде в честь писателя устраивают обеды и вечера, возят его по городу для осмотра и т. п. Замечательно, что подобные чествования устраивали Радищеву чиновники и купцы...

[2]) Радищев сознавал, конечно, весь ужас этих неискренних раскаяний и своих слезных челобитных. Он говорил впоследствии, припоминая страшные допросы Шешковского, что поступил, как Галилей: находясь в железных тисках инквизиции, Галилей отрекся, как известно, от своего учения о вращении земли вокруг солнца, но затем тотчас воскликнул: «а все-таки она вертится!»

боде печати и совести, суде присяжных, равенстве сословий, отмене подушной подати, освобождении крестьян, уничтожении телесных наказаний и т. д.). Проект этот не сохранился.

Радищев покончил свою жизнь самоубийством, мысль о котором была вообще близка Радищеву, быть может, вследствие резкого несоответствия его идеалов тому, что он нашел в России. 11-го сентября 1802 года Радищев выпил стакан яда (крепкой водки) и скончался в страшных мучениях на другой день.

Поэт Пнин, который был самым пламенным почитателем Радищева и его идей, такими стихами оплакивал смерть вольнолюбивого писателя

Итак Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон,
Уста, что истину вещали,
Увы, навеки замолчали,
И пламенник ума погас.
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!..

Похоронен был Радищев в Петербурге, на Волковом кладбище. Могила его затеряна.

VIII.

Так грустно сложилась жизнь этого талантливого человека, с пламенной душой и возвышенными чувствами. Весь обвеянный дыханием революционной философии и начавшейся уже революции во Франции, Радищев, как апостол новых идей, бросил вызов правительству и общественным идеям того времени дал новое содержание, определенно направленное на борьбу со строем. Борьба уже началась, глухая, подземная, партизанская. Умственный рост общества пошел впереди его социального устройства, впереди социальных сил. Этот рост должен был продолжаться еще семьдесят лет для того, чтобы сложилась благоприятная

обстановка для решения первой радищевской задачи — освобождения крестьян от рабской зависимости, для того, чтобы идеи и материальные силы слились в одно целое для ниспровержения крепостного права.

Мечты и планы Радищева остались во многом и существенном мечтами и до настоящего времени. Его основная мечта о государственном переустройстве на началах полного и безусловного народовольствия встала на очередь теперь: она поставлена в задачу ближайшего будущего трудовыми массами. Эта идея горит теперь не только в пламенных головах: она получила мощь и силу, потому что прочно поддерживается мыслью и силою труда, борющегося за свои политические права и за экономическое переустройство общества. Радищеву снились пленительные сны, благородные, чистые и невинные. Эти сны сделались теперь научно обоснованными и покоящимися на реальных отношениях требованиями программ демократии. И эти требования, будучи благородными и чистыми, являются уже и грозными: это не мечтания юноши, а требование зрелого мужа, умеющего поддержать силою свое право, пока оно не отлилось в законе.

И должно было пройти еще сто семнадцать лет для того, чтобы пленительный сон Радищева оказался реальным, чтобы совершился всенародный суд над царем, низвергнутым с трона, чтобы русские граждане осуществили свои права.

И за это память о Радищеве не умрет в России. Рожденный под игом власти и неся позлащенные ее оковы, он первый прорицал вольность. Это—его собственная скромная самооценка. Он не только прорицал вольность,—он был одним из первых создателей той тяги к вольности, которая породила революционное движение в России и привела к падению самодержавия. Он был одним из лучших сынов России, в рабстве поднявший знамя мятежа против деспотизма. Он вышел рано, на слабой заре нашей общественности. Тем святее его подвиг и тем выше его дело...

И как бы ни забегала вперед мысль человека, уже это одно стремление к высокому и идеальному, этот порыв к свету среди

царства тьмы, эта страсть к истине и жажда справедливости сплетают прекрасный венок рыцарям свободы, среди которых в истории освободительной войны России первому республиканцу Радищеву мы должны предоставить одно из самых ярких и почетных мест, потому что

Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, Петроград, Измайл. пр., № 29.

